

Потерять работу и расстаться с любимым человеком в течение двадцати четырех часов — звучит как какой-то жестокий розыгрыш, и я оказалась именно той несчастной участницей.

Я уже собиралась вызвать полицию, но, вооружившись настольной лампой, осторожно обошла квартиру, желая убедиться, что в доме нет воров, и неожиданно заметила на обеденном столе записку, оставленную сожительницей.

«Спасибо за заботу всё это время, прости, что ухожу так поспешно, я не успела с тобой попрощаться. Но у моего бывшего парня заболел родственник, и старик очень хочет перед смертью увидеть свадьбу единственного внука. В тот день он встал передо мной на колени и сделал предложение, пообещав исправить все свои прежние ошибки. Я ему действительно очень нужна, а я так хочу создать семью, поэтому прости меня».

«Я знаю, что ты сильная. Ты не похожа на него, ты способна жить самостоятельно, и тебе будет хорошо даже в одиночестве».

Дочитав это письмо, я испытала столько противоречивых эмоций, что в конце концов просто рассмеялась, потому что вся эта ситуация казалась верхом абсурда. Я сильная, я независимая, так что, поделом мне? Разве мы с тобой не могли создать семью? Разве наша прошлая жизнь вместе была шуткой?!

В глазах окружающих она казалась мягкой и милой, хрупкой девушкой, нуждающейся в защите. Я думала, что ей нравится полагаться на других, поэтому всегда изо всех сил старалась заботиться о ней в быту. Но я и представить не могла, что на самом деле ей куда важнее чувствовать себя нужной — даже если этот человек представляет собой никчемного бывшего, живущего за чужой счет. Наверное, альфонс мог без всякого смущения показывать свою слабость и молить о помощи, а я была слишком гордой.

Сегодня мои трудовые достижения на работе обесценили, а вложения в отношения с презрением отбросили в сторону. Даже со своим прозвищем железной старшей сестры я не выдержала. Громко рассмеявшись, я обхватила колени руками и, свернувшись калачиком в углу, как ребенок, горько заплакала. Хотя я всегда и защищалась броней, хоть никогда и не произносила этого вслух...

Но на самом деле я ведь тоже хотела на кого-то опереться.

Выплакавшись и утерев слезы, я поняла, что жизнь должна продолжаться. С замотанными бинтами руками я принялась наводить порядок в разгромленном бывшей девушкой доме, подбирая разбросанные по полу листы бумаги для рисования. Зря я проговорила ей, что мои самодельные деревянные подрамники стоят недешево. Пусть это были всего лишь мои старые работы, сердце всё равно сжималось от боли при виде разорванных в клочья рам.

У меня была сильная тяга к чистоте, и я просто не могла выносить беспорядок в гостиной. К тому моменту, как я закончила уборку, уже глубокая ночь вступила в свои права. Я подняла последний старый ящик, обнаруженный в углу, и от взметнувшейся при открытии крышки

пыли поморщилась. Рассмотрев содержимое, я тут же презрительно цокнула языком.

— Это ты. А я уж думала, ты навсегда исчез из моей жизни.

Протянув руку, я смахнула с фотографии пыль. На меня смотрел мужчина средних лет, которого мне следовало называть отцом, но в его чертах не было ничего хоть капли знакомого. Этот человек не оставил мне ни семейного тепла, ни светлых воспоминаний — лишь одно отвращение.

С самого детства я росла в неполной семье. Единственное, что отец рассказывал о матери, — это то, что она нас бросила, после чего он неизменно напивался. Чаще всего компанию мне составляли лишь его пустые бутылки. Зная, что в семье нет денег, я усердно училась и смогла поступить в школу со стипендией, но однажды судьба словно решила, что мне мало неприятностей: вернувшись домой, я обнаружила, что квартира абсолютно пуста. Наученная горьким опытом прошлого, я быстро поняла, что меня снова бросили.

Двойное предательство родителей заставило меня еще в школьные годы изобрести сотню способов экономить, чтобы выжить благодаря одной лишь силе воли. И лишь иногда, моя посуду или подрабатывая на разгрузке товаров, я поневоле задумывалась: если бы я родилась в обычной семье, неужели мне не пришлось бы так тяжело?

Этот дрянной ящик прислали, когда пьяный старик умер — то ли в автокатастрофе, то ли от болезни. Так или иначе, разобравшись с прахом, я просто засунула оставшиеся вещи в самый дальний угол шкафа. Если бы бывшая девушка не обшарила квартиру так тщательно, я бы давно уже забыла об этой коробке, точно так же, как забыла о бросившем свой дом и дочь мужчине.

Однако мое внимание привлекло несколько старых открыток. На них был изображен роскошный особняк, обнесенный по периметру железной оградой. Главное здание черного цвета, выполненное в традиционном винтажном английском стиле, окружали тщательно подстриженный сад и огромные зеленые лужайки, а в центре двора красовался пышный фонтан.

Неужели в таком роскошном месте работал старик? Может, там он и познакомился с моей мамой, или это было место их медового месяца?

Мои сомнения так и остались без ответа — на дне коробки обнаружилось лишь изысканное черное приглашение. Карточка была плотной на ощупь, без какой-либо подписи; на ней виднелось лишь написанное от руки искреннее приглашение дорогим гостям посетить Черное поместье. Золотые буквы были выведены с безупречной точностью, и в их плавных линиях таилось какое-то странное притяжение, затягивавшее меня вглубь.

— Эй, одиночка, не витай в облаках, твой бокал пуст!

Резко вернувшись в реальность, я осознала, что сижу в небольшом баре со своей подругой. С того момента, как мне на глаза попало то черное приглашение, мысли постоянно куда-то уплывали. Похлопав себя по щекам, чтобы взбодриться, я обернулась и увидела, что подруга делает второй заказ. Похоже, на работе у нее тоже было нелегко, раз она вымещала стресс с помощью еды и алкоголя. Но заметив, как она отправляет в рот огромную ложку картофеля с ментайкой, я не удержалась от предостережения:

— Этот кусок по калорийности не уступает атомной бомбе, а тебе, милочка, уже далеко не шестнадцать, да и сосуды не молодеют.

— Я вчера занималась спортом, так что все эти калории уже полностью списаны вчерашней тренировкой!

— О как! Оказывается, калории можно переносить на следующий день точно так же, как бухгалтерские отчеты.

Бухгалтерия жизни устроена донельзя просто.

— К тому же я ем столько вовсе не от хорошей жизни, а потому что в бешенстве! Как вообще можно быть настолько бесстыдной? — она со злостью опустила ложку, но, видимо, всё еще не наелась, поэтому прихватила еще одну шпажку с куриными сердечками. — Надеюсь, мне эта тварь больше не попадет. Она же просто решила, что ты мягкотелая и об тебя можно вытирать ноги! На моем месте я бы ее отлупила, ну или по крайней мере облила ведерком краски, чтобы все знали: она та еще токсичная грин-теа!

— Спасибо за заботу, но умоляю, не надо, — горько усмехнулась я.

— Серьезно, тебе стоило бы заставить ее отведать норм уголовного кодекса. Как минимум пришить ей незаконное присвоение чужого имущества, пусть тюрьма научит ее быть человеком.

Заметив, что мне всё еще больно, подруга значительно смягчила тон — по крайней мере, перестала предлагать разнообразные варианты мести, грозящие реальным сроком.

— Да всё в порядке, это же просто мелочи. Все по-настоящему ценные вещи лежат в банковской ячейке.

Она запрокинула голову и осушила стопку саке.

— Скажу прямо: можно западать на кого угодно и страдать от безответной любви, но нельзя терять голову из-за девушек традиционной ориентации! Особенно из-за тех, кто продолжает крутить хвостом перед бывшими и намеренно охмуряет чужих людей. Влюбляться в таких — это каждый раз билет в один конец на костер. Цзяминь, то, что ты вообще выжила после этого,

— уже чудо!

— Ха-ха, за то, что выжила в этой мясорубке.

Мы с улыбкой чокнулись бокалами. Подруга отставила чашку, положила палочки для одэна, и на этот раз ее голос звучал куда серьезнее.

— На самом деле тебе пойдет на пользу съездить за границу, развеяться. Я обеими руками за.

— Да ну нет, боюсь, меня там еще и на органы пустят, — поспешно замахала я руками.

— Ты просто слишком осторожна и перфекционистка до мозга костей. У тебя же вагон талантов и способностей, но ты вечно боишься рискнуть и пойти ва-банк. И эта паршивая компания, и та бывшая — стоит тебе только попытаться, и перед тобой откроются варианты куда лучше.

Я сжала бокал, прижимая край к губам, всё еще колеблясь. Подруга схватила меня за плечи и принялась яростно трясти, словно пытаюсь вытрясти из головы все дурные мысли, а потом подмигнула с лукавой улыбкой:

— Хватит думать об этом! Ты же в своей каторжной компании пахала без единого передыха. А поездка за границу — глядишь, и встретишь какую-нибудь зарубежную красотку. Разве не хочешь выйти на международный рынок? И отдохнешь, и шанс завести отношения появится, сплошная выгода же!

Н-негодница... почему это звучит так соблазнительно?

— К тому же серьезно: я знаю тебя еще со студенческих времен. Пока мы судорожно зубрили перед экзаменами, ты ночи напролет оформляла отчеты для старшекурсников, лишь бы заработать на жизнь. Ты всегда пахала изо всех сил, но ведь нельзя же так надрываться! Даже если тебе отдых не нужен, пожалей свою печень.

Тронутая заботой подруги, я молча подняла бокал, и она с улыбкой поддержала меня вторым бокалом сливового вина.

— Пьем! За нашу переутомленную печень!

— И за то, чтобы ты вырвалась из этого кошмара! Избавившись от такой змеи, ты точно доживешь до ста лет. За здоровье, до дна!

Теплый ветерок подул над столиками летнего бара, и я залпом осушила пивной бокал. Прохладное пиво приятно освежило всё тело, словно даруя мне второе рождение.

<http://bllate.org/book/22271/2331686>